

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

доктор философских наук, заведующий отделом социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

НАТАЛИЯ ПАНИНА,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до “оранжевой революции”

Abstract

The article deals with the analysis of main stages and tendencies of social transformations that have been taken place in Ukraine since the well-known Perestroika in the ex-USSR. Transformational processes are studied in very important for Ukrainian society aspects, such as: institutional, socio-structural, and socio-psychological. Besides, the authors concentrated a special attention on the role of classes, elites, and the broad masses in the different stages of period have been analyzed.

Период трансформации общества в Украине, как и в других постсоветских государствах, охватывает уже более 20 лет, начиная с прихода к власти лидера “неономенклатуры” Михаила Горбачева и заканчивая нынешним “посторанжевым” этапом радикальных и во многом еще неосмысленных социальных изменений. Большая удача социологов состоит в том, что с началом перестройки в советском обществе постепенно стали исчезать многочисленные идеологические запреты на исследования общественного мнения, массовых оценок экономической и социально-политической ситуации, ценностей и установок населения. По мере ослабления, а затем и полной ликвидации политической цензуры уходят в прошлое и опасения граждан за воз-

можные отрицательные последствия открытого выражения своего мнения в процессе общения с социологами. В результате этого украинские социологи располагают данными многочисленных исследований, касающихся динамики массового сознания, психологического состояния и социального самочувствия людей, их отношения к власти и политическим институтам, особенностей восприятия этносоциальных и классовых отношений в обществе. Среди такого рода социологической информации особого внимания заслуживают, на наш взгляд, данные многолетнего мониторинга социальных изменений в Украине, осуществляемого Институтом социологии НАНУ (1992–2006), обобщенные результаты которого положены нами в основу концептуальных выводов, содержащихся в данном докладе. Наряду с этими данными, мы опирались и на результаты массовых опросов, проведенных нами в Отделении социологии Института философии НАН УССР, а также во Всеукраинском отделении ВЦИОМ (1986–1991 годы). Существенную роль в концептуальном осмыслении трансформационных процессов в украинском обществе сыграло сотрудничество с зарубежными коллегами, участие в проектах научных исследований, конференций и изданий совместно с Я.Шимоном и Л.Брустом (Венгрия), Р.Барнзом (США) в 1991–1992 годах, Х.-П.Майером (Швейцария) в 1992–1994, Р.Фарненом (США) в 1993–1996, К.Зегберсом (ФРГ) в 1994–1997, Э.Бромет (США) в 1996–2005, Ю.Левадой, Б.Гудковым и В.Магуном (Россия) в 1998–2006, В.Адамским (Польша) в 2001–2004, Д.Лейном (Великобритания) в 2005–2006 годах.

Многое из того, о чем будет лаконично сказано в данном докладе, получило развернутое обоснование в ряде публикаций, подготовленных нами в последние десятилетия. Поскольку возможность ознакомиться с эмпирическим материалом, свидетельствующим о степени достоверности наших выводов, открыта для аудитории благодаря опубликованным ранее работам, мы сосредоточим анализ прежде всего на логике социальных трансформаций последних двух десятилетий, на обозначении специфики этапов происходивших в Украине социальных изменений в тех аспектах, которые являются определяющими для общества — институциональном, социально-структурном и социально-психологическом, особое внимание уделяя при этом роли классов, элиты и общественности на различных этапах трансформации общества.

Социальные изменения времен “перестройки” и институциональный взрыв 1991 года

Специфика социальных трансформаций в Украине во многом определяется историческим опытом формирования институциональной и социально-классовой структуры общества, а также базисного типа личности в рамках “советского социума”, который к 80-м годам прошлого столетия вступил в полосу стремительно нарастающего социально-экономического, а затем и политического кризиса, повлекшего за собой крах советского государства и создание на его руинах новых независимых государств. И для граждан СССР, и для подавляющего большинства зарубежных аналитиков драматический финал горбачевской перестройки оказался во многом неожиданным и необъяснимым. Даже сегодня, когда очевидны закономерный характер и необратимость перемен, существенные трудности возникают

при попытке обоснования неизбежности развала страны, претендовавшей на мировую гегемонию, страны с колоссальными природными и человеческими ресурсами, с устоявшейся социальной структурой, с привилегированной и, казалось бы, сплоченной властной элитой, с общественностью, выражающей поддержку власти и доминирующей идеологии.

Основные составляющие устойчивой институциональной системы — 1) законодательная база, определяющая легальность общественного устройства, 2) всеохватывающая институциональная инфраструктура, включающая мощный репрессивный аппарат и проверенную временем властную вертикаль, и, наконец, 3) согласие подавляющего большинства населения воспринимать “советский порядок жизни” как естественный, в основном приемлемый, а значит и легитимный — вполне могли обеспечивать дальнейшее существование государства, несмотря на серьезные экономические трудности, оппозиционные настроения части творческой интеллигенции, неблагоприятные внешнеполитические условия и локальные военные поражения. Объяснять гибель СССР ухудшением экономической ситуации, давлением Запада, войной в Афганистане и сепаратистскими настроениями в отдельных республиках можно только находясь вне страны, где с массовым энтузиазмом были встречены фантастические по своей глупости андроповские методы укрепления дисциплины, где существовала огромная очередь для интеллигентов, желающих вступить в КПСС и записаться в резерв МИД для поездок в зарубежные страны (ценой сотрудничества с КГБ), где всегда можно было найти сколько угодно добровольцев для великих строек и ликвидации последствий техногенных катастроф, где, наконец, было практически уничтожено диссидентское движение.

На наш взгляд, к разразившемуся институциональному кризису и скоротечному развалу страна была совершенно не готова, и последующие этапы трансформации большинства постсоветских государств (за исключением прибалтийских) это убедительно подтвердили. За пятнадцать лет независимого существования постсоветские государства так и не смогли достигнуть хотя бы “советского” уровня ВВП, в большинстве из них политическое управление осуществляется в той или иной мере авторитарными методами, поддерживаемыми большинством населения и сдерживаемыми преимущественно международным давлением. Поскольку предметом анализа являются социальные трансформации в Украине, мы не будем специально останавливаться на общих проблемах постсоветских общественных изменений. Отметим лишь, что на первом этапе трансформаций украинское общество институционально ничем существенно не отличалось от российского и белорусского, общими были в тот период и характеристики массового сознания, и социально-классовая структура, и уровень жизни населения.

Что же в таком случае послужило решающим стимулом к кардинальным общественным изменениям? Принято связывать исходный момент постсоветской трансформации с двумя ключевыми событиями: приходом к власти Михаила Горбачева и Чернобыльской катастрофой. Первое событие обусловило ожидаемый после длительного периода застойной геронтокрации порыв к поиску новых путей развития советского общества, а второе — обнаружило смертельную угрозу для государства, которую включает в себе сформировавшийся в условиях закрытого общества синдром безответственности людей, отвечающих за чреватые тотальными катастрофами современные технологии. В результате омолодившееся советское руководство

пошло по пути социального экспериментирования для высвобождения длительного времени подавляемой социальной инициативы, что и привело к краху государства, которое не могло существовать без скрепляющей все его разнородные элементы единой тоталитарной идеологии. Факторами, которые ускорили институциональный крах, являлись давление более экономически эффективного и идеологически сплоченного Запада, стремление к освобождению от “советского диктата” в странах “социалистического лагеря” и все более обременительная для стагнирующей экономики СССР поддержка антизападных режимов в странах “третьего мира”.

В самых общих чертах такое объяснение является вполне правдоподобным. Однако и в столь непростых условиях у советского руководства был вполне возможный путь сохранения государства и его институциональных устоев, если бы была принята противоположная горбачевской перестройке и гласности стратегия политической закрытости, пример которой буквально накануне перестроечных процессов продемонстрировал Юрий Андропов, до сих пор остающийся в массовом сознании россиян, белорусов и даже украинцев одним из самых привлекательных политических лидеров. Отчасти такую стратегию принял Китай, сумевший совместить коммунистическую идеологию, партийный диктат и политическую цензуру с элементами рыночной экономики и модернизации образа жизни населения. Однако между Советским Союзом и Китаем имелось одно весьма существенное различие, которое, как правило, связывают с особенностями культуры и психологии, мало внимания обращая на то, что обновление властной элиты посредством массовых репрессий и заполнения освободившихся мест честолюбивыми выходцами из “партийных низов” происходило в Китае на 20 лет позднее, чем в СССР, в котором после окончания сталинской эпохи номенклатура приобрела сакральный характер и статус неприкасаемых. Именно крайне медленное обновление наиболее желанных социальных позиций при ускоренном пополнении рядов претендентов на высокие места в статусной иерархии и послужило мощным стимулом для начала трансформационных процессов в советском обществе.

Еще задолго до перестройки, как было показано в исследованиях социально-профессиональных ориентаций 1970-х годов, в сознании поколений, вступающих в самостоятельную жизнь, профессии и должности, позволявшие занять верхние ступени в социальной иерархии, стали предметом массовых ориентаций, а наиболее массовые профессии и рядовые должности оказались непривлекательными для подавляющего большинства молодежи. Рост социально-статусных притязаний стал источником дестабилизации сложившейся социальной иерархии, поскольку нереализованность ожиданий приводила к росту неудовлетворенности социальной системой большинства представителей новых когорт.

Для удовлетворения новых амбиций и притязаний нужны были и новые привилегированные социальные позиции, что не могло быть реализовано в рамках ограниченного и идеологически замкнутого номенклатурного класса. На места в узком круге советской элиты оказалось слишком много претендентов, а поскольку испытанный большевистский метод отстрела старой и прикормки новой номенклатуры уже не мог быть реализован, оставалось одно — допустить некоторые социально-экономические вольности и направить нарастающую жажду приобретения в сферу проявления частной экономической инициативы. Однако этот путь был не самым привлекатель-

ным для творческой и научной интеллигенции, ряды которой были полны способными и честолюбивыми людьми, вполне созревшими для карьерного роста и получения соответствующих привилегий. Профессор Д.Лейн в своей монографии “Подъем и упадок государственного социализма” отметил особую роль интеллигенции в перестроечных процессах, исходя из того, что среди специалистов высококвалифицированного умственного труда были в наибольшей степени распространены ориентации на рыночную экономику и политический плюрализм. Это, конечно, так. Но в перестроечные времена творческая и научная интеллигенция особенно активно участвовала в тех акциях, которые снимали ограничения с ее самовыражения и карьерного продвижения в творческих союзах, научных и учебных учреждениях. Среди этих людей и был найден кадровый политический резерв, который охотно пополнил ряды неономенклатуры после провала ГКЧП и последовавшего затем институционального взрыва.

Под институциональным взрывом как альтернативой эволюционного изменения системы социальных институтов мы понимаем осуществление в кратчайшие сроки всеохватывающей институциональной реорганизации и принятие новых законодательных основ социальной жизни. Постепенное ослабление институциональных основ советского общества в ходе перестройки в общем и целом устраивало новую номенклатуру как в союзных структурах власти, так и в большинстве республик СССР. Но этот процесс никак не устраивал традиционный привилегированный слой, который в результате эволюционных изменений рисковал окончательно утратить свои позиции. Не случайно в состав ГКЧП вошли руководители всех силовых ведомств и оборонной промышленности, институциональная инфраструктура и кадровый состав которых могли более всего пострадать от изменения государственного устройства.

Трудно переоценить роль августовского путча 1991 года в развале СССР. Продемонстрированные старой номенклатурой нерешительность и организационное бессилие окончательно убедили население в том, что ничего полезного для “простого человека” от старой системы ждать не приходится. К концу года, когда экономическая ситуация настолько обострилась, что реальной оказалась угроза голода, “национальные бюрократии” воспринимались населением как более близкие и перспективные, чем несостоятельное союзное руководство. Отсюда и вполне равнодушное отношение масс, поддержавших в марте на референдуме идею сохранения Союза, к его ликвидации в результате “беловежских соглашений”. И особую роль в ликвидации СССР сыграла Украина, властная элита которой в последние два года перестройки успела ощутить преимущества независимости от диктата, а население верило в исключительную экономическую мощь страны, которой не дают реализоваться в полной мере только союзные пути. Кроме того, в эти годы в массовом сознании преобладало романтическое отношение к демократии как возможному источнику достижения уровня жизни, подобного тому, который существовал в развитых капиталистических государствах. И хотя формально Компартия Украины была к тому времени запрещена, в стране сохранялось своеобразное “единство партии и народа”: властная элита, демократическая оппозиция и большинство населения поддерживали перспективу независимого существования страны. Пожалуй, именно Украина сыграла решающую роль в окончательном банкротстве идеи обновленного Союза, поскольку Ельцин и его российские соратники вполне

допускали какие-либо варианты сохранения единого государства (при условии отстранения от власти М.Горбачева).

Взрывной характер изменения институциональных основ советского общества в результате развала СССР и сопровождавших этот процесс политических, экономических и социально-культурных изменений вряд ли кто-либо станет оспаривать. Достаточно сказать о самом феномене развала сверхдержавы, об утрате господства коммунистической идеологии и уничтожении института однопартийности, о ликвидации монополии института государственной собственности, об исчезновении одиозных тоталитарных институтов в сфере духовной жизни. Трудно назвать хотя бы один социальный институт, который не был бы полностью или частично разрушен в результате постсоветских преобразований. Принципиальные изменения не коснулись разве что института семьи. Разрушение старых социальных институтов осуществлялось законодательным путем, с последующей коренной реорганизацией институциональных учреждений. Каким бы экономически неэффективным ни был процесс приватизации государственной собственности в первые годы его осуществления, он основывался на легальном базисе, исключавшем возможность государственной монополии на собственность в сфере производства и торговли. Как бы близок по духу ни был институт исполнительной власти в постсоветских государствах к советской партийной монополии, его законодательно определенные полномочия и сам способ функционирования (на основе демократических выборов) принципиально отличаются от института однопартийной власти. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что старые социальные институты, обеспечивавшие определенную социальную стабильность и интегрированность общества, в результате посткоммунистической трансформации утратили по крайней мере два из трех институциональных атрибутов — легальность и организационную инфраструктуру.

В этот период практически одновременно возникают и приобретают легальность новые основополагающие социальные институты: президентская вертикаль власти, многопартийная система без доминирующей роли запрещенной КПСС, частная собственность и крупный бизнес, деидеологизированные силовые структуры. Фактически создается совершенно новая институциональная инфраструктура, которая в тот период пользуется преобладающей поддержкой населения, приобретая таким образом легитимный статус. Однако парадокс ситуации с институциональной точки зрения заключался в том, что этот статус приобрела система учреждений, которые по сути своей не были способны осуществлять функции, необходимые для подкрепления декларативно принятых норм и ценностей демократического общества. Властная элита не готова была к диалогу с оппозицией и общественностью, судебная власть оставалась зависимой от исполнительной, предприниматели ощущали себя обладателями не “священной”, а украденной у государства собственности, наука, культура, образование продолжали свое существование как “остаточный сектор” государственной экономики. И массовое сознание, декларативно поддерживавшее рыночную экономику, политическую демократию и правовое государство, сохраняло в полном объеме патерналистские стереотипы, психологию зависимости от государства и беспомощности перед его произволом. Образно говоря, Украина была в той же мере готова к разрушению старой институциональной системы, в какой не была готова к созиданию новой.

***Стратегия сдерживания институциональных изменений:
1992–1994 годы***

К началу 1992 года в Украине сложилась институциональная ситуация, которая, на первый взгляд, располагала к осуществлению политических и социально-экономических реформ, необходимых для построения демократии и рыночной экономики. Однако подавляющее большинство правящей бюрократии и рядовых граждан в это время не были заинтересованы в принципиальном преобразовании устоявшегося социального порядка, даже если на декларативном уровне они поддерживали идею коренного изменения общественной системы и углубления рыночных реформ. В социалистической системе многое не устраивало людей, но только не гарантированная занятость и возможность вертикальной мобильности для выходцев из рабочего класса и крестьянства, что неизбежно требовало избыточного и структурно несбалансированного создания рабочих мест и престижных социальных позиций. В отличие от капиталистической системы, периодически страдающей от перепроизводства товаров и услуг, социалистическое общество длительное время занималось перепроизводством производителей и потребителей с соответствующим искажением социально-классовой и социально-профессиональной структуры. Нигде в мире не было и такого удельного веса врачей и учителей в общем составе населения, как в СССР (в том числе и в Украине). Аналогичная ситуация к моменту развала Союза сложилась применительно к большинству социально-профессиональных позиций, связанных с трудом высшей квалификации. Конечно, новая власть могла бы заняться радикальным реформированием социально-профессиональной структуры, отдав ее “на растерзание” рыночной экономике. Но именно в этом случае миллионы людей, имеющих высокую квалификацию, оказались бы ненужными в новой структуре. То же самое происходило и с социально-классовой структурой, где экстенсивное развитие сферы материального производства (рука об руку с идеологической установкой на укрепление авангарда советского общества) привело к перепроизводству в СССР и Украине “передового отряда рабочего класса” — промышленных рабочих.

В результате возникла специфическая “украинская модель” посткоммунистического развития, которая существенно отличалась от прибалтийской, российской, кавказской и среднеазиатской моделей. Из республик бывшего Союза, пожалуй, только Беларусь и Казахстан в тот период были близки к Украине, хотя очевидное тяготение к России и отсутствие купонной гиперинфляции не позволяли зачислить их в единый лагерь сторонников определенного типа социального выживания — социалистического общества без коммунистической идеологии, с регулируемой государственной экономикой и стихийно складывающимися рыночными отношениями. В системе координат “закрытое — открытое общество” Украина занимала весьма своеобразную позицию “полуоткрытого общества” с значительным продвижением к открытости по линии политических свобод и крайне незначительным — в экономической сфере.

Вполне естественно, что подобный “политико-экономический кентавр” долго существовать не мог, поскольку в мировом опыте социальной организации примеров устойчивого существования политической свободы при экономическом произволе не найти. И тем не менее феномен “украинской

модели” посткоммунистического развития возник и только одним фактом своего выживания в условиях тяжелейшего социально-экономического кризиса заслуживает серьезного анализа с точки зрения возможности решения проблемы социальных конфликтов, нередко приобретающих в трансформирующихся обществах агрессивный и кровопролитный характер.

Возможно, для историков и экономистов будущего, которые обратятся к анализу событий, фактов и закономерностей развития посткоммунистического мира после развала СССР, феномен украинского варианта “экономического чуда”, когда в кратчайшие сроки уровень жизни большинства населения страны оказался ниже черты бедности, нищеты и даже физического выживания, будет представлять значительный теоретический интерес. “Украинская модель” первого этапа посткоммунистической трансформации общества, при всей ее экономической неэффективности, оказалась состоятельной в одном — способности сохранить в стране мир и избежать открытой внутренней агрессии и кровопролития. Именно в этом Президент Украины Л.Кравчук видел определенный успех своей внутренней политики, который свидетельствовал в пользу избранной властями “консервативно-охранительной” стратегии развития государства и общества в условиях потрясений для всех посткоммунистических стран социально-экономических потрясений. И действительно, факт остается фактом: с точки зрения внутриполитической стабильности Украина оказалась одной из немногих бывших советских республик, которым удалось избежать непримиримой конфронтации различных политических сил и кровопролитных конфликтов.

В принципе не исключено, что именно Украина накопила тот опыт мирного перехода от коммунистической диктатуры и планово-административной экономики к открытому демократическому обществу, который имеет исключительную историческую ценность и достоин воспроизводства в других государствах, отказывающихся от своего коммунистического прошлого. Может быть, и цена за “бесконфликтность” на первых порах независимого существования — развал экономики и массовая аномия — не столь высока, чтобы отказываться от избранной стратегии развития, обеспечившей тот самый “худой мир”, который лучше “хорошей войны”.

Сущность “украинской модели” определялась стремлением властей удержать социальное равновесие посредством минимизации социальных изменений и сохранения старых структур и механизмов социального управления для предотвращения массовой социальной невостребованности, которая является неизбежным следствием коренной ломки социальных устоев. Результатом реализации этой модели является, с одной стороны, отсутствие широкомасштабных конфликтов, имеющих насильственные формы, а с другой — угасание экономики и социально-политической активности. Для достижения массовой поддержки такой стратегии в обществе культивировался тотальный страх перед любыми конфликтами, с неизбежностью распространяющийся и на необходимый для демократического развития конфликт между отживающими тоталитарными структурами управления и гражданским обществом. В результате страх населения перед конструктивными социальными конфликтами сам по себе становится механизмом, сдерживающим любые конструктивные действия по преодолению социально-экономического кризиса.

Изрядно запуганное возможным социальным хаосом при радикализации общественных изменений, большинство населения придерживалось той же “политической линии”, что и властные структуры: декларативно поддерживая идеи демократизации общества, рыночной реформы и построения правового государства и ничего не предпринимая для реального достижения этих политических целей, не доверяя политикам, но и не настаивая на активизации их усилий в построении демократического государства с эффективной рыночной экономикой. В этом страхе — общем для управленческой элиты, боящейся утратить привычные рычаги управления, и для цепляющегося за эту элиту “молчаливого большинства”, видящего в ее привычном со старых добрых времен, руководящем и направляющем облике гарант “хорошего мира” — заключался в тот период основной источник деградации экономики и дискредитации идеи государственной независимости.

Характеризуя сложившуюся на первом этапе посткоммунистической трансформации украинскую модель общественного устройства, следует учитывать и особую систему межэлитарного взаимодействия, сложившуюся в Украине в результате посткоммунистической дифференциации политической элиты, способной в определенных условиях выступать как политической силой, стабилизирующей ситуацию в обществе, так и инициатором организованного социального протеста. Специфика социально-политической организации общества определяет особенности существования элит, способ их взаимодействия, зоны согласия и конфликта. Общая закономерность состоит в том, что степень жесткости государственного контроля за социальным поведением в основных сферах жизни общества — экономической, политической, социально-культурной — прямо связана со степенью внешней и внутренней дифференциации соответствующих элит. Это означает, что наиболее интегрированными являются элитарные слои в обществе, где единая тоталитарная идеология и мощный репрессивный аппарат практически исключают саму возможность существования политической оппозиции как основного источника возникновения межэлитарного конфликта. Причем особой “бесконфликтностью” отличаются коммунистические государства, которые держат под жестким контролем не только политико-идеологическую сферу, но и экономику. И если в рамках “некоммунистического тоталитаризма” возможно существование частной собственности, конкуренции и рыночных отношений, неизбежно порождающих дифференциацию экономической элиты и межэлитарный конфликт, то полновластие коммунистов позволяет длительное время сохранять “элитарный монолит”.

В первые годы посткоммунистической трансформации ситуация, казалось бы, принципиально изменилась в результате дифференциации социалистической номенклатуры и появления новых политических, экономических и интеллектуальных элит, порожденных крахом коммунистической идеологии и независимым развитием Украины. Именно в конфликте старых и новых элит заключен основной источник социального взрыва в посттоталитарном обществе, поскольку для кризисных периодов общества противостояние элиты и массы (за исключением отдельных стихийных выступлений, легко подавляемых сплоченными элитами), может приобретать революционные формы, угрожающие массовым кровопролитием и гражданской войной, лишь в том случае, когда интересы правящей элиты оказываются не-

совместимыми (взаимоисключающими) с интересами оппозиционных политических сил.

Десятки юридически оформленных политических партий, декларирующей оппозиционность правящей элите, не смогли стать реальной оппозицией властям, которые воспроизводили в обществе феномен, характерный для развитого социализма, — вездесущую “партию власти”, отличие которой от бывшей КПСС состояло лишь в отсутствии явной и не подлежащей ревизии идеологической доктрины, а единая сущность — в безраздельном владении основными рычагами управления государственно-колхозной экономикой и сферой законодательства, регулирующей распределение собственности. “Партия власти” легко пожертвовала идеологическими догмами и отдельными политическими фигурами ради консервации замкнутой системы регулирования социально-экономических отношений, в которой могли меняться исполнители, но не механизмы, отработанные десятилетиями экономического принуждения. Попытки придать этой системе несвойственные ей функции социальной защиты населения, оборачивались фарсом, превращающим подавляющее большинство населения в неимущих, нуждающихся в государственной опеке. Таким образом воспроизводился феномен “единства партии и народа”, когда “партия” постоянно заботится о том, чтобы в обществе было побольше неимущих, а последние держатся за нее, боясь утратить последние завоевания социализма, но постепенно обнаруживая, что голосующая за сохранение старых порядков в экономике рука все больше становится рукой, протянутой за подаянием.

Таким образом, несмотря на то что в Украине процесс дифференциации элит привел к противостоянию “партии власти” и оппозиции, в обществе не нашлось достаточно активных и организованных сил, которые могли бы затянувшийся эволюционный процесс отмирания старой общественной системы превратить в революционный взрыв, опираясь на существующее массовое недоверие властным структурам и недовольство экономическим положением страны. Это было связано с феноменом разделения сфер влияния между элитами, когда экономическая сфера оказалась в руках старой номенклатурной элиты, а идеологическая — в компетенции наиболее организованной новой элиты, сформировавшейся вокруг идеи приоритетности укрепления национальной государственности.

Если неономенклатурная и национально-демократическая элиты, разделив сферы влияния, создали мощный “центристский буфер”, сдерживавший социальный взрыв, то правые националистические и левые коммунистические радикалы как раз именно своим непримиримым соперничеством (в отличие от России, где шовинисты и коммунисты общими усилиями провоцировали путчи и массовые беспорядки), снижали потенциал взрывоопасного экстремизма. В результате ни те, ни другие не смогли заручиться решающей поддержкой люмпенизированных и маргинальных слоев населения, составляющих основную деструктивную силу социального протеста.

Становление двойной институциональной системы: 1994–1998 годы

Первые годы независимого существования Украины, при всех политико-реформистских и рыночных экспериментах новой власти, практически

не привели к становлению новых институтов, обладающих легитимным статусом в обществе и действенной институциональной инфраструктурой. В этих условиях обнаруживалось все больше свидетельств восстановления легитимности элементов советской институциональной системы: государственного патернализма, коммунистической партии, “псевдоприватизированных” (якобы акционерных) предприятий и т.п. Многие старые социальные институты начали все более активно функционировать в новых социальных условиях. Вместо ожидаемого их вырождения произошло своеобразное перерождение, образно говоря — “реинкарнация”. Благодаря этому в социальной структуре постсоветского общества сохранились многие статусные и ролевые позиции для социальных акторов, занимавших аналогичные позиции в прошлом. Так, например, в новых государственных структурах оказалась практически без материального, социально-статусного и морального ущерба старая номенклатура.

И хотя власти Украины постоянно подчеркивали свою приверженность западной идеологии и свое стремление к интеграции с Западом, образовавшееся “государство-кентавр” (с головой, направленной на Запад, но не способное реально двигаться в вождяемом направлении из-за упирающегося “социалистическими копытами” базиса) являло собой “переходный социум”, чей статус становился все более неопределенным с точки зрения демократической и рыночной перспективы. Под воздействием разнонаправленных импульсов политического и экономического развития “общественный организм” эволюционировал в направлении, противоположном первоначальному декларированным ожиданиям, когда на фоне массового разочарования в чудодейственности демократических деклараций усилилась ностальгия по утраченному “социальному порядку”.

В этом контексте наиболее важные отличительные черты инициального этапа постсоветских трансформаций и этапа, последовавшего за двумя первыми годами институциональных изменений, состояли в следующем:

1991 — начало 1992 года	1994–1998 годы
Ориентация на рыночные механизмы регуляции экономики	Ориентация на государственную поддержку производственного сектора
Массовая поддержка государственной независимости	Преобладающая поддержка реинтеграции
Коммунистическая партия утрачивает массовую поддержку	Коммунистическая партия — главная оппозиционная сила и претендент на власть
Ответственность за кризис возлагается на коммунистический режим	Ответственность возлагается на демократически избранную власть

Эти изменения стали возможными благодаря существенной эволюции массового сознания, в котором прогрессировало неприятие института многопартийности, заметно укрепились позиции противников частной собственности на землю и предприятия. Казалось бы, несколько лет свободной жизни, появление слоя собственников и мощный “выброс” частной экономической инициативы должны были способствовать постепенному изживанию коммунистических привычек и умонастроений у значительной части населения. Однако ни этот фактор, ни даже пополнение демократического лагеря несколькими когортами молодежи, среди которой коммунистиче-

ские ориентации распространены в наименьшей мере, не привели к расширению сферы влияния демократических ценностей. Призрак коммунизма постепенно обретал зримые черты и вполне весомые властные амбиции.

И все же украинское общество даже в таких условиях избежало угрозы “второго пришествия” коммунистического мессии и агрессивных социальных конфликтов. Объяснить это, на наш взгляд, можно, приняв концепцию становления парадоксальной “институциональной гиперполноценности”, основанной, с одной стороны, на том, что системообразующие институты советского общества, утратив легальность в результате перестройки и развала СССР, не утратили традиционной легитимности — согласия людей с социальными правилами, основанными на идеологии государственного патернализма, сохранении государственной собственности на крупные предприятия, социалистических льгот для населения и привилегий для правящей элиты, неизменности государственного сектора в социальной сфере — образовании, здравоохранении, науке, художественной культуре, управлении конфессиональными и межэтническими отношениями. С другой стороны, нелегальные (теневые) институты советского общества — теневой рынок (“левое” производство и спекуляция в условиях дефицита), блат и коррупция, организованная преступность, двойная мораль (разрыв между публичной и приватной моральной позициями) — трансформировались в легальные институты “переходного общества”, но не приобрели должной легитимности в силу их массового восприятия в качестве “узаконенного беззакония”. Отсюда и несогласие людей жить по формально легализованным, но остающимся “теневыми” по сути, правилам и признавать новые учреждения в качестве базисной институциональной инфраструктуры общества. Испытывая чувство аномической деморализованности, недоверия и неудовлетворенности своим положением в обществе, большинство граждан Украины находились в состоянии амбивалентности по отношению к институциональным образованиям, легальность или легитимность которых не обеспечены правом или моралью. Такого рода амбивалентность проявилась в массовом согласии жить в таком институциональном пространстве, где легальность обеспечивается самим фактом узаконенного существования новых институтов, а легитимность — сохранением мимикрированных старых институтов, сохраняющих традиционную регулятивную функцию и опирающихся на сохраненные элементы социальной инфраструктуры, старые социальные позиции и ролевые предписания. Таким образом и формировалась “институциональная гиперполноценность” украинского общества, основанная на согласии людей жить в таком институциональном пространстве, где действуют и старые и новые институты, обеспечивающие своим противоречивым сосуществованием наличие всех необходимых для социальной интеграции и стабильности атрибутов институциональности. Классическим примером институциональной двойственности является деятельность народных депутатов Украины, большинство которых одновременно являются активными участниками предпринимательской деятельности, поскольку институты властные и коммерческие образовали то, что, пользуясь термином Р.Инглехарта, можно назвать “симбиотической взаимосвязью”. В такой парной взаимосвязи оказались практически все институциональные образования, обеспечивая гражданам Украины возможность в каждом институциональном секторе испытывать двойную

институциональную нагрузку и находить необходимые для социального согласия атрибуты легальности и легитимности.

Параллельное существование двух социальных структур обеспечивало и новый социальный порядок, в котором наиболее активные новые социальные акторы не стремились к дестабилизации общества, опасаясь коммунистической реставрации, а представители массовых старых слоев старались вместе с двойной институционализацией сохранить хотя бы отчасти свои привычные социальные роли и позиции. В результате большинство общества находило согласие в принятии такой социальной ситуации, когда старые и новые социальные институты сосуществуют, обеспечивая своим противоречивым влиянием легальность и легитимность существующего социального порядка.

Процесс становления такого рода институциональной системы был сопряжен с заметным ухудшением экономической ситуации в стране — падением ВВП, ростом безработицы, снижением уровня жизни населения, на фоне которого происходило нарастание пессимистических настроений, неудовлетворенности жизнью, неуверенности в будущем и недоверия к властным структурам. Но, тем не менее, сохранялась определенная социальная стабильность, позволившая властным структурам осуществить ряд важных для последующего преодоления социально-экономического кризиса политических и экономических реформ: была принята Конституция, осуществлены денежная реформа и массовая приватизация, в результате чего уже в 1998 году большинство предприятий перешли в частную собственность. Во многом благодаря этому ко второму сроку президентства Л.Кучмы была создана база для начала экономического подъема, в котором был реально заинтересован бизнес-класс, первоначально возвращенный главным образом на псевдо- и внерыночных операциях — трастовых и валютных аферах, бартере и поиске ренты, основанном на дотациях из государственного бюджета и присвоении права на приоритетное использование природных ресурсов.

Новый институциональный кризис и “оранжевая революция” (1999–2004)

Парадокс десятилетнего правления Л.Кучмы заключался в том, что экономически провальный период с 1994 по 1999 год характеризовался политической стабильностью, тогда как вполне успешный с экономической точки зрения второй президентский срок сопровождался бурными политическими волнениями и бесславно закончился на невиданных до этого в посткоммунистическом мире 12% роста ВВП. Отчасти причины этого связаны с касетным скандалом и провальным выбором преемника на президентских выборах 2004 года. Однако за этими событиями, сыгравшими роль “спускового крючка” для манифестации “антикучмизма”, скрывались более глубокие причины, связанные прежде всего с тем, что сформированная в предшествующие годы институциональная система вступила в противоречие и с потребностями наиболее активных слоев населения, и с интересами влиятельных оппозиционных политических элит, не нашедших (или потерявших) свое место в устоявшейся властной иерархии. Первый элитарный бунт против Президента Л.Кучмы в 2001 году не увенчался успехом потому, что ресурсы двойной институциональной системы еще не были исчерпаны,

и для подавляющего большинства населения сохранение стабильности имело большее значение, чем возможность отправить Л.Кучму в отставку. Первые признаки адаптации населения Украины к новым общественным условиям появились только в 1999 году, а рост реальных доходов практически не начинался даже к 2001 году, хотя появились существенные признаки улучшения макроэкономической ситуации. В этих условиях общество все еще было больше озабочено элементарным экономическим выживанием, а не политическим противостоянием властной и оппозиционных элит.

Иная ситуация сложилась к 2004 году, когда наблюдался существенный рост уровня жизни и социального самочувствия большинства населения. Ощутив некоторую свободу от повседневной и изнурительной борьбы за физическое выживание, многие граждане Украины проявили повышенный интерес к политическим коллизиям, связанным с окончанием “эпохи Кучмы” и необходимостью выбора его преемника. И вот здесь обнаружилась несостоятельность двойной институциональной системы, которая способна предложить только амбивалентные решения в ситуациях выбора стратегического курса государства и общества, наделяя атрибутами легальности и легитимности взаимоисключающие направления развития.

Двойная институционализация — феномен временный и явно тормозящий процесс демократической трансформации общества. Он создает ролевою, нормативную и инфраструктурную перегруженность институционального пространства и постоянно воспроизводит чувство социальной беспомощности и неудовлетворенности социальным положением у большинства людей. Эта неудовлетворенность ищет выход в принятии простых и однозначных лозунгов, которые и были предложены политической оппозицией: “Бандиты будут сидеть в тюрьмах!”, “Власть нужно отделить от бизнеса!” и т.п. Простота и общедоступность этих призывов выгодно контрастировали с присущей власти “многовекторностью”, нередко означавшей оправдание двуличия, неопределенной политической и нравственной позиции. Преимущество многовекторной позиции состоит прежде всего в том, что она избавляет от необходимости категорического выбора — между Западом и Востоком, между бизнесом и политикой, между правосудием и коррупцией. Однако такого рода ресурсы двойной институциональной системы, связанные с возможностью избежать выбора между старым и новым в институциональном пространстве, оказались невостребованными в период президентских выборов 2004 года.

События “оранжевой революции”, переломившей административный “сценарий” президентских выборов в Украине в конце 2004 года, привели к “перелому” большинства тенденций развития массового сознания. Одни тенденции поменяли направленность, другие — резко усилились. Значительные изменения, которые произошли в общественном сознании под влиянием революционных событий, связанных с выборами Президента, позволяли делать выводы о том, что в процессе демократического развития Украины наступил перелом. В мониторинговом опросе начала 2005 года впервые было зафиксировано значительное повышение уровня демократизации массового сознания по целому ряду показателей. В первую очередь, в политической и морально-психологической сферах. Однако результаты опроса, проведенного сразу после парламентских выборов в апреле 2006 года, со всей очевидностью продемонстрировали возврат установок и настроений

населения относительно демократических принципов на “исходные позиции” начала 2004 года. В итоге оказалось, что заметное улучшение по ряду показателей явилось не более чем “дистурбациями” — временными всплесками демократических настроений.

Наиболее заметный рост демократических настроений в начале 2005 года фиксировался по таким показателям: доверие к Президенту, правительству, представительской власти; доверие к институту многопартийной системы, партиям и партийным лидерам; осознание собственной политической эффективности — уверенности в том, что “простые” люди могут оказывать влияние на политические процессы, происходящие в стране; повышение социального оптимизма — ожиданий и уверенности в том, что ситуация в стране будет улучшаться. Однако революционные ожидания, надежды и иллюзии не выдержали постреволюционных реалий, которые привели к восстановлению застойных тенденций и возвратных настроений в украинском обществе.

После революции... год спустя

Этап трансформации общества, последовавший за бурными событиями “оранжевой революции”, далек от завершения. Его роль в демократическом развитии украинского общества еще предстоит основательно проанализировать. Но уже сегодня можно привести результаты мониторинговых опросов, позволяющие в первом приближении оценить последствия “оранжевой революции” для формирования массового сознания, мнений, социальных оценок и настроений граждан Украины.

Революционный всплеск социального оптимизма в начале 2005 года привел к тому, что в Украине впервые за все годы независимости число оптимистов вдвое превышало число пессимистов. Однако не прошло и года, как тенденция преобладания в стране социального пессимизма вернулась практически к прежнему уровню.

За год кардинально изменились настроения людей, связанные с мыслями о будущем Украины. Основной особенностью динамики общественных настроений является существенное увеличение доли людей, высказывающих отрицательные настроения, и снижение доли тех, кто испытывает положительные чувства, когда думает о будущем Украины. Так, например, уменьшился удельный вес людей, испытывающих при мысли о будущем Украины оптимизм, интерес, уверенность, радость, удовлетворенность. В то же время значительно возросло число людей, у которых преобладающими чувствами стали тревога, растерянность, безысходность, страх, пессимизм. Если к началу 2005 года в массовых настроениях преобладал оптимизм, то к началу 2006 года доминирующим фоном общественных настроений выступает тревога. На фоне возрастания пессимистических настроений снизились оптимистические прогнозы и ожидания, касающиеся перспективы развития различных социальных сфер жизни в Украине.

Определенной дистурбацией социально-политических процессов, происходящих в Украине, к сожалению, выступил и массовый всплеск доверия населения к властным структурам и конкретным политическим лидерам, проявившийся в первые месяцы после революции. В первую очередь, это относится к разочарованию в Президенте, уровень доверия к которому за

прошедший год снизился на 20%. Наряду со значительным снижением уровня доверия к Президенту произошло и резкое снижение оценки его деятельности. С 1998 года в мониторинг включены вопросы, связанные с оценкой деятельности президентов Украины, России, Белоруссии и США (по десятибалльной шкале). На протяжении этого периода наиболее высокой была оценка президента США Б.Клинтона (1998–2001). В 2001 году она поднялась до 7,7 балла. После прихода к власти Дж.Буша оценка американского Президента резко снизилась. В 2004 году рейтинг Дж.Буша составлял 4,5 балла. Тем не менее его рейтинг был выше оценки украинским народом собственного Президента — Л.Кучмы (3,2 балла). По непопулярности в Украине с президентом Л.Кучмой мог соперничать только президент России Б.Ельцин (1998–2000). После прихода к власти в России В.Путина рейтинг президента России в Украине резко возрос. Приход В.Ющенко к власти привел к существенному возрастанию рейтинга президента Украины (5,6 балла). В марте 2005 года по своей популярности у населения Украины В.Ющенко почти вплотную приблизился к рейтингам В.Путина (6,0 баллов) и А.Лукашенко (5,8 балла), опередив рейтинг Дж.Буша (5,0 баллов). Однако к началу 2006 года рейтинг Президента Украины вновь оказался самым низким (3,8 балла), тогда как рейтинги В.Путина и А.Лукашенко еще больше возросли и достигли одинаковой отметки — 6,3 балла.

Наряду со снижением доверия к Президенту на протяжении 2005 года существенно снизилась и доля людей, доверяющих другим властным структурам: правительству и Верховной Раде. И в настоящее время в отношении населения к представительской и исполнительной власти, как это было и раньше (до “оранжевой революции”), недоверие опять преобладает над доверием. Всплеск позитивного отношения к институту многопартийности непосредственно после “оранжевой революции”, также в последующий год обернулся дальнейшим ростом негативных установок и снижением позитивных.

Возвратные изменения демократических установок во многом непосредственно связаны с разочарованием в лидерах “оранжевой революции”. На 15% возросла доля людей, отмечающих, что им не хватает “руководителей, способных управлять государством”. Отвечая на вопрос: “Поддерживали ли Вы политических лидеров “оранжевой революции” и поддерживаете ли Вы их сейчас?”, 15% респондентов ответили, что “поддерживали их тогда, но не поддерживают сейчас”. Но если одни люди достаточно четко осознают перемену своих взглядов, другим “услужливая” память помогает довольно безболезненно изменить свою позицию. Так, если в начале 2005 года ответ “Не поддерживал и не поддерживаю” дали 27% населения, то в начале 2006 года считали что “и тогда” не поддерживали уже 39%. За год втрое увеличился удельный вес людей, которые считают, что они оказались в проигрыше в результате “оранжевой революции”, и вдвое уменьшилось количество тех, кто считает себя в выигрыше. Отрицательная динамика фиксируется также и в ответах на вопрос: “Каким образом результаты президентских выборов повлияют на благополучие Вашей семьи в ближайшие 5 лет?”.

В итоге вследствие некомпетентного политического управления положительные перемены в процессе демократизации в Украине за прошедший год были сведены “на нет”, то есть возвратились к исходному уровню начала 2004 года. В свою очередь, отрицательные возвратные тенденции, фиксиру-

емые на протяжении всех лет независимости Украины (такие, например, как нарастание антирыночных настроений, ослабление западных геополитических ориентаций и т.п.), заметно усилились.

За период с марта 2004-го по март 2005 года произошли существенные изменения в экономических оценках, ориентациях и установках населения Украины: фиксируется резкое нарастание антирыночных настроений и распространности негативного отношения к процессам приватизации земли, малых и, особенно, крупных предприятий. Меньше стало людей, которые хотят открыть собственное дело (предприятие, фермерское хозяйство и т.д.), и тех, кто согласен работать у частного предпринимателя. На протяжении 2005 года под влиянием “антиолигархической” риторики антиприватизационные настроения возросли еще больше. К началу 2006 года доля людей, которые негативно относятся к приватизации крупных предприятий, составила две трети населения (67%). Заметим, что вскоре после провозглашения независимости Украины в опросе 1992 года таких людей было вдвое меньше — около 32%. Значительно возросло и негативное отношение к приватизации земли. Если в 1992 году отрицательно к приватизации земли относились 14%, а положительно — 64%, то в 2006 году положительно к приватизации земли относятся всего 24%, а удельный вес лиц, отрицательно относящихся к приватизации земли, возрос до 53%. Существенные скачки в нарастании приватизационного негативизма приходятся на два последних года.

За революционный и постреволюционный период наряду с нарастанием антирыночных настроений, как это ни странно на первый взгляд, укрепляется тенденция формирования ориентаций массового сознания на восточный геополитический вектор международной консолидации Украины. Так, резко возросло отрицательное отношение населения к идее вступления Украины в НАТО. Следует заметить, что постепенное нарастание отрицательных установок отмечалось на протяжении всего мониторинга. Непосредственно после “оранжевой революции” (начало 2005 года) количество противников союза с НАТО резко увеличилось (как за счет тех, кто относился к этой проблеме нейтрально, так и за счет сторонников такого союза) и составляло более половины населения. К началу 2006 года доля противников вступления в НАТО возросла еще на 14%(!) и в настоящее время составляет почти две трети взрослого населения Украины (64%), а доля сторонников сократилась до 13%. В 2005 году 54% населения Украины выражали положительное отношение к “идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси” (отрицательное — 28%). Несмотря на то что распространенность позитивных ориентаций на “восточнославянский союз” в 2005 году снизилась по сравнению с 2004 годом, когда положительно к подобной идее относилось 63% (а отрицательно — 20%), в 2006 году удельный вес сторонников этого союза вновь повысился до 61%.

Проявляя определенную амбивалентность, массовое сознание наряду с “восточной” ориентацией одновременно в целом одобряет и идею вступления Украины в Европейский Союз: 61% населения в 2006 году поддержал эту идею. Но и доля противников такого направления развития значимо увеличилась — с 12% в 2004 году до 25% в 2006-м. В общей сложности около 20% населения занимают амбивалентную геополитическую позицию, поддерживая идею вступления Украины как в восточный, так и в западный союз.

Нередко геополитические ориентации украинцев противоречат их электоральному выбору. Анализ взаимосвязи между поддержкой тех или иных политических сил во время избирательных кампаний нередко обнаруживает пропасть между личной политической позицией людей и программами тех политических сил, за которые они голосуют. Например, положительно относятся к союзу с Россией и Беларусью по 36% как из тех людей, кто проголосовал за В.Ющенко в третьем туре президентских выборов в 2004 году, так и из тех, кто голосовал за “Нашу Украину” на парламентских выборах 2006 года. Положительно относятся к союзу с Россией и Беларусией также 31% голосовавших на парламентских выборах за БЮТ; 57% — из проголосовавших за Социалистическую партию. Отрицательно относятся к вступлению в НАТО 43% из тех людей, которые проголосовали за В.Ющенко в третьем туре президентских выборов в 2004 году и 40% проголосовавших за “Нашу Украину” на парламентских выборах 2006 года. Отрицательно относятся к вступлению в НАТО также и 42% из тех, кто проголосовал за БЮТ на парламентских выборах, и 61% — из тех, кто на парламентских выборах голосовал за социалистов.

Можно видеть, что причины изменения своих настроений сами люди связывают, в первую очередь, с разочарованием в лидерах “оранжевой революции”. Однако, на наш взгляд, подобные метаморфозы массового сознания во многом объясняются не только объективными результатами деятельности конкретных политиков, но и тем, что ярко выраженный в первые послереволюционные месяцы социальный оптимизм населения имел в значительной степени “иждивенческий” характер. Он сопровождался “фантастическим” (для социологического мониторинга) всплеском доверия к новым политическим лидерам, и прежде всего к вновь избранному Президенту Украины. Однако, выдавая большой кредит доверия новой власти, общественное сознание тем самым атрибутировало ему и всю полноту ответственности за дальнейшее развитие страны и собственное благосостояние. Уровень политической и гражданской активности населения помимо участия в революционных событиях по-прежнему оставался низким. Не получив ожидаемого “все и сразу”, население глубоко разочаровалось в новой власти. На первый взгляд, это довольно несправедливо, поскольку, даже по самоотчетам людей, их заработная плата (пенсии, стипендии) в среднем возросла на 45%, а среднедушевой доход — почти на треть (31%). Однако при этом почти две пятых населения (39%) отметили, что материальные условия их семьи за последний год ухудшились; улучшилось материальное положение у 14%, тогда как год назад улучшение своего материального положения отметили 20%. С 21% до 29% повысилась доля людей, которые высказывают мнение, что “терпеть наше бедственное положение уже невозможно”. Следует заметить, что подобные настроения высказываются при повышении ряда показателей материального благополучия (например, количество абонентов мобильной связи возросло почти вдвое за последний год) и на общем фоне улучшения социального самочувствия.

Анализируя в целом причины “увядания” демократических ростков массового сознания, проще всего все “списать” на разочарование в лидерах “оранжевой революции”, вызванное их нескончаемыми разборками, поспешными политическими заявлениями и некомпетентными решениями. Как можно видеть из результатов опросов, в основном, так и происходит.

Однако, на наш взгляд, корни подобных массовых настроений лежат значительно глубже и могут обернуться негативными последствиями для дальнейшего развития демократии в Украине.

Со времени провозглашения независимости население Украины вынуждено жить в условиях социальной аномии, характеризующейся отсутствием в обществе ценностно-нормативной базы социальной консолидации, которая невозможна без общего представления о том, “что такое хорошо, и что такое плохо”, что в этом обществе поощряется, что порицается и что наказывается. Старая ценностно-нормативная система, консолидовавшая тоталитарное общество, разрушена, а новая, основанная на демократических ценностях, так и не была сформирована. Эти условия уже давно привели к высокому уровню аномической деморализованности более 80% населения Украины. Но состояние аномии не может длиться в обществе сколь угодно долго. В таких условиях массовое сознание ищет ценностные “подпорки” в историческом прошлом и обращается к поискам “мессии”, который придет и наведет “порядок в стране”. Таким мессией в аномическом обществе может стать авторитарный лидер фашизоидного толка, или тоталитарный лидер с коммунистической риторикой, или архаично-традиционалистский “духовный пастырь”. В Украине слишком живы еще раны от фашистских и коммунистических лидеров. Не находя в социуме не только новых действующих демократических ценностей, но и действующих элементарных законов, массовое сознание обращается к традиционалистской ценностной базе регулирования социальных отношений. Интуиция подсказала новой политической силе, идущей и пришедшей к власти, атрибутику и риторику, соответствующую ценностям, набирающим в обществе вес морально-консолидирующей основы. Отсюда и довольно странная для политических лидеров, провозглашающих курс на интеграцию в современное демократическое сообщество, традиционалистская ориентация: архаические наряды и прически, молебны и богослужения на высшем государственном уровне, попытки внедрить религиозные догматы в государственную систему образования, nepотизм (кумовщина) как основной принцип подбора кадров при формировании властных структур и т.п.

Однако критики подобного поведения и политики недооценивают то обстоятельство, что архаичность атрибутики и социального поведения новой власти в значительной мере соответствуют собственному (в определенном смысле “вынужденному”) в условиях длительной аномии и беззакония) выбору населением Украины традиционалистской модели консолидации и развития украинского общества на данном этапе его развития.

“Оранжевая революция”, манифестирующая себя как демократическая по своей ценностно-нормативной сути, явилась культурно-этнической революцией. В электоральном расколе Украины с последующим все большим размежеванием электората ключевую роль начал играть фактор *исторической идентичности*. Эта категория, получившая обоснование в работе львовского социолога В.Середы, является, на наш взгляд, наиболее адекватным конструктом для анализа центробежных и центростремительных сил в консолидационных процессах, возникших в Украине после “оранжевой революции” — размежевание и консолидация населения Украины на оси “Запад–Восток”.

- На Западе Украины население консолидируется на основе своей исторической памяти и соответствующего ей чувства — “вырваться из-под гнета России”.
- Консолидация населения Восточной Украины осуществляется на основе исторической памяти и соответствующего чувства “социально-культурной связи с Россией”.
- Население Центра Украины в этих условиях, балансируя между Западом и Востоком, испытывает двойной пресс социальной неопределенности (аномическая неопределенность и проблема выбора направленности исторической идентичности), склоняясь более в сторону Запада, но не консолидируясь с ним полностью в силу несколько отличного исторического опыта. В условиях двойной неопределенности здесь в большей степени следует ожидать возрастания потребности в авторитарном лидере, типа В.Путина или А.Лукашенко, но с украинской атрибутикой.

Парадокс “национальных особенностей” развития демократии в Украине, на наш взгляд, объясняется тем, что демократическая риторика как в устах населения, так и в устах новой власти в настоящее время в значительной степени имеют прагматический характер. Она обусловлена более надеждой на поддержку и помощь со стороны “зажиточного” Запада, чем реальным желанием самим ориентироваться на демократические нормы социальной жизни. Речь прежде всего идет о таких демократических ценностях, как верховенство права и равенство всех перед законом, уважение к правам и интересам каждого гражданина, свобода слова, отсутствие дискриминации, социальная солидарность, гражданская активность и т.д. Чтобы эти ценности не были пустым звуком, властная элита прежде всего сама должна демонстрировать соответствующие образцы поведения.

Но новая власть свою политику начала с нарушения демократических норм. В первую очередь это относится к Президенту, который, начиная с первой (слишком поспешной) инаугурации и массовых увольнений, часто проводил и озвучивал свою политику, мало заботясь, чтобы это соответствовало действующему законодательству. Ключевые, по определению, фигуры в процессах легитимации демократических норм, такие как министры юстиции и МВД, представители прокуратуры и судов, сами нередко фигурировали в скандалах, связанных с нарушениями законов, уличались во лжи, и тем не менее не подверглись никаким санкциям со стороны вышестоящей власти.

Консолидировать общество и развернуть вектор его развития в сторону реальных демократических преобразований могли бы только первоочередное и самое пристальное внимание власти к созданию условий строгого контроля за выполнением принятых и принимаемых законов и демонстрация личных образцов поведения, соответствующих не архаическим, а современным демократическим ценностям.